

Экспедиция

Глеб Шульпяков. Иран в январе. Живой дневник.
Фото автора

Глеб Шумиляков

ИРАН В ЯНВАРЕ

*Живой дневник**Ночь, Тегеран*

Ночная виза в аэропорту Тегерана — долгая и мучительная экзекуция. Пытка. Отказать могут любому, причем без видимых объяснений. Просто швырнут паспорт, укажут пальцем на выход: «Get out!».

Задержат шторку, погасят свет.

Переживать не следует, через час визу все равно выдадут. Такова манера — унижить и напугать человека при въезде, чтобы потом ты не натворил в исламской республике лишнего. Оригинальный способ заботы о безопасности.

В пятом часу утра мы выкатываемся на трассу. Одной рукой водитель Оджад придерживает баранку, другой наливает из термоса чай.

— Чай любишь? — Протягивает чашку. Чай расплескивается, машина, потеряв управление, сходит на встречную.

В ночном поле иллюминированная галлюцинация. Четыре минарета размером с трубы ТЭЦ, между ними гигантское шапито. Золотой шар-купол, галереи, фонтаны. Всё сверкает и переливается.

— Там он. — Водитель многозначительно поднимает палец.

— ???

— Аятолла!

По радио идет ночная программа о поэзии или актерское чтение Корана, не знаю. По словам Оджада, это его любимое занятие, слушать стихи персидских поэтов-классиков. Тексты знакомы с детства, но это не важно, поскольку главное в этом деле — то, как они исполнены. Слушая вдохновенные перепады поэтической речи — то, как чтец интонирует, берет голосом, — потихоньку «влипаешь» в чужую просодию. В ее каденции, в самый состав звука, незнакомого и завораживающего. Уже не удивляет, зачем в поле шапито, где при свете софитов спит он. Зачем так долго мучили на прилете, пугали шторкой. Кто эти небритые мужики на выгоревших плакатах, которыми

завешены бетонные коробки. Куда идут по улице двое с авоськами — в такую рань. И зачем троица на тротуаре разложила костер — и сидит у огня, кутаясь в рваные тряпки.

День второй, Тегеран

Я просыпаюсь между шумовых потоков — грохочущего трафика под окном и фрезы на этаже. Город и отель бурлят, проснулись. То, что в комнатах могут спать люди, никому не приходит в голову. Мы встали — и ты вставай, нормальная логика «семейного» государства.

На улице солнечно и холодно. Пожилые женщины метут мостовую длинными балахонами. Девушки в приталенных полупальто, на голове платок, черный. Платок прекрасно подчеркивает лица, их белокожие правильные овалы — и черные глаза. Красоток на улице поразительно много, эффектно задрапированная женщина производит куда более яркое впечатление, чем полуобнаженная. И они это знают, умеют делать.

В забегаловке с кебабами девушки, не стесняясь, разглядывают меня. Во что одет? Какая оправа очков? Ботинки? Любопытство сильнее шарията, тем более, что другой информации о внешнем мире у них нет. Что касается мужской части населения, то я — человек без брюха и усов — для них просто не существую.

Лавки на улицах забиты медными самоварами, то и дело вздрагиваешь — «Русские!». Но потом вспоминаешь, что Иран родина самоваров; чай здесь вместо водки, особенно зимой, когда зябко.

Рядом меняльные лавки, купюры выложены прямо в витринах. Пасьянсы из однодолларовых бумажек, пирамиды монет. Пестрые евро, веером. Деньги — товар, и нужно показывать его лицом, как любой другой.

Время в Иране идет на полчаса впереди московского. День, начатый за полдень, проходит быстро. Вечный вопрос путешественника — «Зачем я сюда приехал?». Чтобы избавиться от него, требуется стечение обстоятельств. Нужно попасть в фокус, в воронку места. Оказаться там, где городская среда сгущается.

Такое место в шумном, бестолковом Тегеране есть. Ближе к базару толпа густеет, торговля выплескивается на мостовую. С проспекта в базарный город ведут ущелья улиц. В одной улице раздают крупную вареную картошку — от мечети, бесплатно, поскольку на днях праздник. Завернутую в лаваш, картошку можно съесть прямо здесь, на приступке — посыпая соленой пудрой.

Но мне нужна другая мечеть. Она где-то неглубоко, рядом. Пару пролетов по шумной лестнице, где продают цепные плетки (опять же, праздник), — в узкий проход через арку — и ты попадаешь в другое измерение. В новое пространство, из которых, собственно, и состоят старые мусульманские кварталы.

Площадь мечети Хомейни пуста, тиха — как будто ее вырезали ножницами из базарного шума. Посередине бассейн для омовений, над старыми галереями нависают бетонные складские помещения со спутниковыми тарелками. Но через галереи перешагнуть не могут. Между минаретами светятся огромные часы. Смесь вокзала с мечетью, нормально — молитвы, как и поезда, должны «отходить» вовремя.

За огромным порталом айвана прячется зеленый купол, похожий на перевернутую чашку. Такова манера персидской архитектуры, поразить глаз внезапно. Застать врасплох. Неба над площадью много, оно пепельно-розовое. По мере наступления вечера пепла становится

ся больше, розовый цвет сгущается в красные полосы. Я брожу по площади, стараясь растянуть это ощущение, когда все вокруг — невидимый голос, распеваящий суры Корана, запах печеной картошки — и как смешиваются цвета в небе — образует тот самый фокус. Воронку, куда ты проваливаешься со скоростью собственной мысли. Оставаясь при этом на поверхности времени. Скользя по его пленке, как водомерка.

На площади я вдруг понял, насколько мусульманская жизнь, ее быт, могут оказаться формально, технически «близкими». Наверное, я сейчас скажу странную вещь — но жизнь простого мусульманина схожа с жизнью человека литературы. Поскольку обе они регулярны, ритмизованны. Свершаются буквально по схеме «когда не требует поэта (мусульманина)...» — и так далее. При всей разнице «священных жертв», конечно.

Ну и того, кому эти жертвы предназначены.

Тегеран — Исфахан

Между городами 440 километров, но перед выездом Оджаду (а это он) надо поменять масло. Мы едем по пробкам в другой конец города, где у него знакомый автотехник. Потом выясняется, что ему надо заехать домой, за едой в дорогу. И мы снова тащимся через Тегеран, теперь в обратную сторону. Почему не сделал до отъезда? Чего ждал? Спорить бесполезно, в Азии жизнь свершается только по здешним лекалам, и подгонять события просто глупо — дальше будешь.

Трасса идеальная, максимальная скорость — 120. Но через два часа дороги водитель объявляет, что пора обедать.

— Я не голоден, — говорю.

— Ты турист, а я иранец, — отвечает он. И тормозит на горном плато. Пока я прыгаю по камням с фотоаппаратом, на заднем сиденье приготовлена еда. Две вареные картошки, два яйца, две лепешки и два соленых огурца — обед взят в расчете на двоих, кто бы мог подумать. Он запивает чаем, я — дуком. Это здешний эквивалент турецкого айрана, кисломолочный напиток, которого в Москве не бывает, — я к нему пристрастился в Турции, когда писал «Книгу Синана».

Рисунок гор странный, неровный — то плавный, почти прямой, то угловатый. Хотя все углы и неровности сглажены, прилизаны. Сточены. Эта линия гор своего рода пиктограмма, визуальное выражение

персидского языка — так мне кажется. Поскольку я уверен, что такие вещи, как фонетика языка, его рисунок, — и общий рисунок пейзажа, в котором он формировался, — не могут не быть связанными.

Машин на трассе не мало, все они местного производства — даже «Пежо» и «Рено» — поскольку Иран, будучи «страной-изгоем», давно живет на полном самообеспечении. Большинство автомобилей работает как на бензине, так и на газе. Бензин в стране, которая занимает одно из первых мест по запасам нефти, дико дорог, а газ быстро заканчивается. И Оджад постоянно выискивает по трассе газовые заправки.

Мы въезжаем в Исфahan под вечер, потратив семь часов на дорогу. Еще час на метания по городу — Оджад не разбирается в картах, — к тому же отель поменял название, а на дорогах толпы людей (демонстрация в поддержку Палестины), — и мы наконец рассчитываемся, расстаемся.

Центральная площадь Имама — шедевр исламского зодчества, икона мусульманской архитектуры, отдельная песня — несмотря на поздний вечер, заполнена народом обоего пола, плюс дети. У центрального портала толпа сгущается; софиты, динамики. С экранов на фасаде читает проповедь имам, спокойно и размеренно. Лица людей тоже спокойны и приветливы, многие улыбаются — как улыбаются те, у кого нет сомнений в полной своей правоте — и защищенности. Да, именно так — в правоте и защищенности.

В мечети много народу, идет молитва, праздничная. Снаружи, в палатках, разливают бесплатный чай, лежит сахар — обычный колодый и каленый. Чай пустой и безвкусный, но на вечернем морозце прекрасно согревает. Вкус каленого сахара — из детства, и моментально возвращает в прошлое. Я вспоминаю, как мы готовили такой после школы, на сковородке (сковородку была без ручки — такие прихватывали специальной рукояткой). Главным было не перекалить сахарную воду, чтобы вкус не получился горьким (горький тоже ели, без вопросов).

Моя первая кулинарная практика. Кто бы мог подумать, что спустя тридцать лет вкус вернется, и где — на одной из главных площадей исламского мира, в канун православного Рождества, который в этом году совпал с праздником имама Хуссейна, очередной войной в Газе и т.д. Это я и называю «невероятным стечением обстоятельств».

Ночью по местным каналам ТВ иранские «гордоны» часами обсуждают нюансы шиизма. Я впервые жалею, что не знаю языка — поскольку на экране интеллектуально-богословское, с элементами филологического анализа, шоу.

На остальных кнопках — бесконечные сводки из Палестины. Дупераздирающие ролики на тему «страдания мусульман под бомбами израильского агрессора». Ролики гоняют каждые пять минут вперемежку с репортажами о «праведном гневе исламского мира». Этот гнев, массовый и совершенно искренний, я видел только что на улицах города. Хотя — покажи иранцу карту — я уверен, что страну, против которой идет выступление, он не отыщет. Израиль для него — мифическое пространство, где сгустилось вселенское Зло. Которого требует душа любого шиита, воспитанного на традиции борьбы Света и Тьмы. Вот эту нишу — Зла — Израиль и занимает в его личном космосе.

Вообще техника пропаганды по ТВ — на уровне монтажа, музыки, детских фотографий — невероятно напоминает нашу, новую советскую. Ту, которую демонстрировали самые «сервильные» каналы вроде «Вестей» во время агрессии в Грузии. Не вдаваясь в подробности нынешнего ближневосточного конфликта — каждый участник в системе собственных ценностей прав, но Израиль еще и последователен (чем Иран, поставляющий оружие, пользуется), — можно поразмыслить о том, кто есть кто в современном мире, особенно в нашем. Кто какие роли играет, по каким схемам действует. И насколько они универсальны, узнаваемы. Кто «подставляет» — Осетию, Палести-

ну — в сущности? Кто снабжает анклавы оружием, консультирует? Не тот ли, кто громче всех потом кричит по поводу страданий осетинского (палестинского) народа? Кстати, главный лозунг на улицах Исфахана в эти дни — тоже «наш», вполне знакомый: «Down with USA!»

Такие вещи я тоже называю «стечением обстоятельств».

Правда, ничего невероятного в этих обстоятельствах нет.

День третий, Исфахан

Пророк — в отличие от Христа — родню имел довольно многочисленную. И конфликт с апостолами-халифами у этой родни состоялся сразу после его смерти. По итогам этого конфликта — который, в сущности, представляет собой вечный спор о том, что первично, гены или разум, родство или единомыслие, сыновство или ученичество, — произошел раскол на шиитов, то есть последователей родни, и суннитов — то есть тех, кто предпочел авторитет друзей-соратников. В результате раскола племянник Пророка, первый имам Али, был убит общиной, поддерживающей апостоловхалифов. А спустя время в неравном сражении погиб его младший сын и наследник, имам Хуссейн.

Именно это трагическое событие — безвременную гибель младшего сына имама Али — и вспоминает весь шиитский мир, в десятый

день месяца Мухаррама. В этом году дата совпала с православным Рождеством, что сообщало увиденному некоторый умопомрачительный, гротескный характер.

Суть праздника заключается в самобичевании и оплакивании. В исламе большинство вещей надо понимать буквально, бытово — то есть в дни праздника мусульмане действительно рыдают и наказывают себя плетками. Обычно тон процессии задает профессиональный «чтец-плакальщик». Это человек с микрофоном, он стоит на возвышении и распевает «гимны». Содержание «гимнов» сводится к называнию родословной Хуссейна — и описанию его ужасной гибели. Текст нехитрый, повторяется. С каждым повтором степень эмоционального накала аудитории — и самого «плакальщика» — возрастает. В такт гимну присутствующие начинают ритуально хлестать себя по груди и плечам. Многие используют для этих целей специальные плети — те самые, цепные, что я видел в Тегеране. Их перед праздником продают повсеместно, как первомайские флажки или шарики.

Представьте себе тысячи усатых мужчин, льющих самые настоящие слезы. Представьте, что ничего театрального, показного в этом плаче нет — как можно было бы подумать. Поймите, что в эти минуты каждый мусульманин внутренне отыгрывает — то есть воображает и переживает — самую чудовищную потерю, которая может выпасть на долю правоверного, то есть потерю сына. Тем самым снимая невроз, сформированный страхом этой потери. Так мне, во всяком случае, думается — с психологической точки зрения.

Религиозные процессии показывают по всем каналам. Сюжеты из разных городов, из разных провинций сменяют друг друга — как у нас на Первомай или Октябрь. Рапортуют Шираз, Тегеран, Тебриз, Кум. На главной площади Исфахана — огромная очередь перед мечетью. Молитва закончилась, люди ждут, когда вынесут благотворительную пищу. Я видел эти контейнеры со двора, куда забрел с фотоаппаратом, — сотни красных ящиков, забитых термоконтейнерами. В контейнерах рис с тушеными сливами, баранина (накануне праздника обязательно режут барана, отчего улицы подле мечетей залиты кровью). Пицца горячая, готова к употреблению. Невероятно вкусная (я пробовал). Когда ворота мечети распахиваются, тысячи рук тянутся в воздух. Коробки с надписью «Down with USA, down with Israeil» моментально исчезают в толпе. Через пять минут толпа рассасывается, счастливые мусульмане расходятся.

«Вкусивший пищи в день сей да благословен будет».

День четвертый, Язд

Восторг, охватывающий в пустыне, совершенно неопишем, не сравним. Пустое нежилое пространство, щедро залитое солнцем; разрывающее, растягивающее сознание небо; затонувшие в пустыне горы; пейзаж настолько активизирует внутренние силы, что ты начинаешь физически задыхаться. Все это — для тебя, только для тебя. Других пользователей — других жизней — вокруг просто нет, даже флоры. Представьте, что вам подарили пустой театр (или пустой порт). Ни актеров (матросов), ни зрителей в нем нет и не будет (разве что невидимый капитан-режиссер). Но есть пустая сцена, набережная с кораблями — и свет софитов. И ты можешь разыграть на этой сцене-палубе любое представление. Отплыть в любое плавание.

Дорога прямая, покрытие отличное, машин нет. Один пункт ДПС — «Ваш паспорт» — «Счастливой дороги» — и ты на свободе. Водитель обещает доставить за два часа, хотя судя о карте, до Язда триста километров. Но любые карты (и время как протяженность) эти люди внутренне отторгают. После волшебного перемещения Пророка из Мекки в Иерусалим за одну ночь каждый подсознательно верит, что пространство и время — резиновые. Что можно — если на то будет воля Всевышнего — переметнуться из пункта А в пункт Б скорее, чем прольется молоко из упавшего кувшина (в чем они правы, если рассматривать время и пространство с научно-философской точки зрения).

У каждой поездки есть частный мотив, источник, импульс — помимо общего желания время от времени менять одну реальность на другую (однажды я поехал в Лаос только потому, что со двора их посольства в окно долетали по ночам звуки песен). Так вот, в Иран — и Язд в частности — я отправился из-за книги, которую начал уже год как. Она должна завершить первые две вещицы — «Книга Синана» и «Цунами», чтобы составить трилогию. Закрывать тему. Первые главы — сытая снобская жизнь в Москве. Потом — бац! — провал, и ты просыпаешься в глиняном городе с голубыми мечетями.

Прообразом этого «мешка» послужил Фес. Когда-то город произвел на меня довольно сильное впечатление — тем, что городская среда воспроизводила здесь подсознание, структуру человеческого бытия. Город Язд таков же. Один из немногих в мире — все в ЮНЕСКО — средневековых городов, дошедших до нас в относительной сохранности. То есть в виде невообразимого и вместе с тем логичного по внутреннему смыслу скопления глинобитных домов, щелейулиц — и грандиозных мечетей между ними.

Фес случился со мной давно, пару лет назад. Его образ уже обобщился, померк. С помощью Язда мне хотелось оживить картину. Тем более что город, в котором оказывается герой, не точный слепок. Скорее, задача образа — воплотить идею азиатского города во-

обще. Которая позволяла бы совместить в одном образе несколько городов — ну и вымысел, конечно. Кстати, азиатские города, будучи слепком твоего подсознания, идеально для него подходят. Я имею в виду вымысел, конечно.

День пятый, канаты Язда

Принцип изучения Язда предельно прост, погружайся. Выйди из гостиницы, сверни в первую щель — и пропади там. Лабиринт улиц все равно пережует тебя глиняными деснами — и выплюнет обратно.

Правда, на другом конце города.

Старая часть Язда не слишком велика, в пределах Бульварного. Потеряться в ней невозможно, над приземистыми домишками всегда маячит купол квартальной мечети. Можно ориентироваться по солнцу, с какой оно стороны. И держаться одного направления, пока не выйдешь на главный проспект (он везде один, имени Ленина — Хомейни то есть). В этом, кстати, одно из отличий Язда от Феса. Тот вдвое больше, лежит в гигантской горной котловине. И дома имеет настолько высокие, что ни солнца, ни куполов не видно, ориентироваться не на что.

Провалился за подкладку — так провалился, пиши — пропало.

Мне нравилось бродить по Язду без карты, бесцельно — как я обычно в таких городах и делаю. В одной из улиц мне попался мужик, он тащил стопку лепешек, прижимая их подбородком. Я к тому времени проголодался, и по моим глазам он это понял. Просто протянул лепешку — и пошел дальше.

«Иран, дела семейные».

Я притулился на заброшенном дворе, и блаженно сжевал хлеб, щурясь на солнце. Вспомнил, что неплохо бы выяснить, каковы они на самом деле, знаменитые канаты — этот образ мучил меня с детства, после фильма «Тегеран-43». Как выглядит система подземного водоснабжения, распределяющая грунтовые воды по городу. Канаты «придумали» в Средние века и сегодня почти не использовали. Хотя проложили настолько хитроумно, что ученые до сих пор собираются на конгрессы по их изучению. Кажется, это единственная канализация в мире, которую изучают.

И вот в заброшенном дворе (хотя в Язде трудно утверждать наверняка, заброшен тот или иной двор, или нет), я наткнулся на дыру в земле. Обычную дыру, провал — накрытый от лишних людей решеткой, под которой накопилась большая гора мусора, как это часто с зарешеченными дырами бывает. Какой-то рвани накопилось, и гнили, и пластиковых бутылок с канистрами.

Но ступеньки под мусором все равно просматривались.

Вторым сюрпризом было то, что замок на люке решетки болтался на честном слове. Пролезая внутрь, я не сомневался, что проход замурован. «Напрасно лезу, мараю одежду». Однако, подсветив мобильником, тихо ахнул — вниз, в темноту, круто уходила длинная каменная лестница.

Спуск был сухим, прохладным, и занял минут пять. Их было семьдесят, высоких кирпичных ступеней — значит, лестница уходила под землю на четыре-пять этажей как минимум (в детстве я думал, что канаты «начинаются» в подвалах, ха-ха — как это показывают все в том же фильме).

Внизу я очутился в комнатке три на четыре метра, сухой и темной. Под рукой осыпалась глина, ладони покалывала солома. Мобильник снова погас, но стены все равно освещал невнятный серый свет. Вход на лестницу остался далеко наверху, а других источников вроде бы не было. Я снова поднял голову, повернулся вокруг себя — и заметил в непроглядной тьме крошечный голубой глазок размером с пуговицу.

В одну из стен колодца — а это, судя по отверстию над головой, был именно колодец — уводил узкий проход. Поместиться в нем оказалось возможным, но только сидя в позе эмбриона. «Ребрами жесткости» каналу служили широкие кольца из обожженной глины, «вмазанные» в землю, — тот же принцип, что потом использовали в московском метро. Я прополз боком метров двадцать-тридцать. Дальше ход разветвлялся на три коридора, превращая канал в лабиринт. Лезть стало страшно, я вернулся.

День шестой, Чак-Чак

Арабы захватили и исламизировали Персию к середине VII века. Одна из последних принцесс династии Сасанидов — огнепоклонница — по легенде бежала в пустыню, в скалы. «Чак-Чак» с персидского означает «кап-кап», то есть беженка искала воду. А затем уже тихое место, где можно «зажечь», буквально. С тех пор крошечный уступ в скале — в 70 километрах от Язда — считается одним из главных капищ зороастризма. Точкой, где тлеет искра религии, которая так и не возгорелась в пламя, и слава богу.

Дорога в Чак-Чак — это снова пустыня, но совершенно другая — скалистая и чрезвычайно вычурная, затейливая по рисунку. Здесь хорошо снимать фильмы про инопланетную жизнь, вернее, безжизненность. Потому что вершущки треугольных гор торчат из пустыни как детские игрушки, забытые на пляже. Занесенные космическим песком за ночь (за тысячу световых лет).

Машина медленно вползает в складку огромной скалы. Домики — кучкой, точкой — на «фасаде» скалы не заметишь, настолько они ничтожны. Это и есть Чак-Чак. Сотня ступеней наверх, зигзагом — вход в пещеру только в белой шапке, без ботинок, — и вся история с принцессами и арабами моментально меркнет. Потому что ледяная чистая вода до сих пор «чак-чак» посреди мертвой пустыни.

Перепад температур, конденсация влаги внутри скального массива, неожиданный выход на высоте небоскреба — и т.д. и т.п. Понятно, объяснимо. Но мой-то взгляд приземлен, буквален. Примитивен. Я вижу сотни километров безжизненного пейзажа, способного свести с ума одним только рисунком, цветом. Песок и глину, и глинистый какой-то камень под акриловым небом. Скалы, солончаки — «Забриски Поинт». И воду, которая над всем этим марсианским пейзажем капает тысячу лет.

Современные домики, выстроенные на склонах, пусты — грандиозный праздник огня случается раз в году. В сущности, это не дома — а клетки, кельи. Ячейки одного хозблока. Отыскать следы культа — кроме черных копченых подпалин на стенах — невозможно. Зороастризм — самая сдержанная, аскетичная, «немотствующая» и «нестяжающая» религия мира. Она не требует ни мечетей, ни соборов, ни пагод. Стеклянная тишина голых скал — умопомрачительный вид на закат — огонь и вода — вот и все, что надо.

По центру пещеры медный алтарь, блюдо на толстой ножке. На блюде песок, на песке пара потухших головешек, остатки благовонных палочек. Спустя полчаса в пещеру поднимается семейство — старик, его молодой сын с невесткой, и внук, мелкий мальчишка. Девушка простоволосая, в обычных спортивных штанах, обтягивающих фигуру. Судя по тому, насколько спокойно она к этому относится — при мне, постороннем, — это не мусульмане. Ну, так мне, во всяком случае, хочется думать.

Не обращая на меня внимания, они тихо надевают белые врачебные шапочки, сходятся вокруг алтаря. Раздувают головешки, втыкают в песок привезенные с собой палочки. Что-то бормочут — или просто перешептываются, смеются. Обходят алтарь несколько раз, собирают в пакетики пепел — а потом фотографируются. И так же тихо обуваются, уходят.

Я остаюсь один — в плоской тишине. Я чувствую себя мошкой, попавшей в смолу, — миллион лет спустя, когда смола уже превратилась в янтарь.

День седьмой, Тегеран

На Иранских авиалиниях летают в основном немецкие «Фоккеры» (хуже, если попадет старый советский «Ту»). «Фоккеры» тоже не первой свежести, но небольшие и уютные, чистые. С занавесочками на иллюминаторах и леденцами — как в детстве.

Аэропорт в Язде современный, но без архитектурных излишеств. Когда в окне снежные горы, любой дизайн будет выглядеть убогим. И они это понимают. Стеклянная стена и кресла вдоль — вот и все, что нужно. О фотообоях Аллах позаботился.

Головная боль компании-перевозчика на регистрации — рассадить пассажиров отдельно, «мужики налево, женщины направо». Но самолет вылетает все равно вовремя. Время в полете час, летим низко. За окном тянется бесконечная горная пустыня, белые разводы солончаков, черные скальные пирамиды. Как и чем живет страна, состоящая наполовину из глиняной пустыни? Непонятно.

В полете раздают местную прессу. На первых полосах — крупно — трупы палестинских детей. Иранцы качают головами, тихо переговариваются. Передают друг другу газеты, сравнивают фото. Разглядывают сквозь крупный растр подробности.

К мученичеству и смерти в Иране, как и вообще у шиитов, свое отношение — как и положено в системе, чья философия строится на родовых связях, когда с потерей физического лица теряется понятие, явление. Это было видно по празднику имама Хуссейна, хотя бы. Другой общеизвестный факт — что во время войны с Ираком подростки выходили на минные поля и разминировали их таким вот страшным образом. Никто их насильно туда не гнал, я хочу сказать. Вряд ли стимулом к подвигу служили загробные райские кущи. Скорее всего, дело тут в «семейственности» страны, ее родственном, кровном коллективизме. Когда младший рвется быть полезным; мечтает заслужить полноценное членство в семье, пусть и посмертное.

Вообще, чем дальше, тем сложнее понять, почувствовать: сколько в том, что я вижу, искренней, то есть наивной и детской веры? В моментальное попадание в рай, например (сильно сомневаюсь)? Сколько психофизики, создания-снятия невроза (есть такое дело)? Сколько ритуала (в большом количестве)? Сколько «собственной гордости» (все-таки на счету Ирана несколько великих империй плюс классика литературы)? Самое удивительное, что в иранском исламе разделить эти вещи вообще невозможно. Это «комплексный

обед». Ритуал «заложен» в быт, выткан в нем, прошит — как рисунок на килиме. Религия вписана в повседневность, воплощена на ощупь, вкус и цвет. Без нее — буквально — «не пожрать, не потрахаться». Как, собственно, в религиозных системах, организующих реальность, и должно быть.

Глядя на то, насколько религия эффективно и — в рамках данного общества — позитивно организует реальность, смешно и грустно думать о нашем «религиозном возрождении». Которого нет и не было, несмотря на многолюдные «стояния» на Рождество и Пасху.

Форма досуга — есть.

А возрождения — нет, не наблюдается.

День последний, Тегеран

После праздников затишье — если тишина здесь вообще возможна. Город «облысел», поснимали со стен черно-зеленые флаги и транспаранты. Я выхожу на улицу и с удивлением обнаруживаю горы. Тегеран окружают снежные склоны, в конце бульвара белая вершина, совсем близко. Кто бывал в Алма-Ате, знает.

Город лежит на плоскости, которая идет в гору — как стол, приподнятый с одного края. Чем выше, тем чище воздух. Больше неба и солнца. В верхней части города есть несколько парков. В одном из них — Парк-и-Лалех — я пристраиваюсь на лавке, подсматривать за местными.

Через дорогу университет, молодежи много. Сидят парочками, держатся за руки. Чай из пластиковых стаканчиков (все-таки холодно). Самая обычная картина, если не считать хиджаба на девушках. Но на платки в Иране перестаешь обращать внимание довольно быстро. Точно так же, как в Израиле — на молодых людей с винтовками.

Повседневность, ничего интересного.

Сидя в парке, я вспоминаю реакцию знакомых на мое решение ехать. От восклицаний «Это опасно!» до — «Как вам не стыдно, когда Израиль».

И мысленно отвечаю, по пунктам.

Иран — самая спокойная, безопасная из мусульманских стран, что мне приходилось видеть. Ни подло обманывать (как в Турции) — ни притворно заискивать (и тоже обманывать, как в Марокко) здесь не будут. Иранцы обладают удивительной душевной цельностью. Неким внутренним самосогласием. И как следствие — невысокомер-

ным достоинством. Ислам, примененный в чистом, тотальном виде, ни заискивания, ни воровства не предполагает. Это качества стран «недоисламских». Развращенных плохими колонизаторами (французами) — или насильной вестернизацией. Ни того, ни другого — в большом, фатальном объеме — в Иране не случилось. Поэтому когда я прошу водителя защелкнуть двери, он искренне не понимает.

— Там у меня фотоаппарат, хороший, — объясняю.

— Ну и что?

Теперь — что касается визита в «страну — спонсора терроризма». Отвратительно слышать эти слова в стране, которая десять лет терроризирует собственных граждан, методично культивируя подлых и выживая лучших, уничтожая их историю и культуру (как ведущий программы «Достояние республики» я знаю, о чем говорю).

В Новую Советскую Россию по этой логике въезжать нельзя ни при каких условиях.

Вообще, чем больше наблюдаешь Иран, тем чаще ловишь себя на ощущении, что вот оно, наше будущее. Вот схема жизни, к которой мы приближаемся. Внешняя изоляция и внутренний коллективизм, иранский вариант. Просто в случае с Ираном схема наполнена религиозным смыслом, практикой. Внутри которых ситуация изоляции и коллективизма, возможно, не только приемлема — чаема.

Подростки на парковой лавке изучают мобильные телефоны. Солнце горячее, а ветер холодный, странное сочетание. Время от времени подростки поглядывают на меня, хихикают. Что я хочу сказать? Понятие, лежащее в основе западной модели общества, есть понятие «иного», «другого». Его границ и возможностей, свобод и обязанностей. В Иране такого понятия нет, поскольку схема жизни в этой стране целиком реализована через религию. Где понятие «другого» просто не предусмотрено, лишнее. Это их модель общества. Их вариант организации хаоса в реальность, в систему, пригодную для жизни (а она — в отличие от нашей — пригодна). Эта система не хуже и не лучше остальных «пригодных» систем, если судить о ней по ее законам, то есть с точки зрения Корана.

Она «другая».

Мы похожи на Иран — тем, что фундаментальное понятие «другого» в нашей жизни отсутствует тоже (особенно это заметно в провинции, где люди просто не понимают, как это — иметь свои запросы, вкусы). Отсутствие такого рода требует наполнения, осмысления. В случае с Ираном это осмысление-оправдание поступает через религию, ее ритуал и философию — глубочайшую, прошу заметить, тончайшую. Сплачивающую страну в семейство, где нет чужих стариков и детей-сирот.

В нашем случае вакуум заполняется лживой, гнусной президентской демагогией — и глубоким общественным цинизмом как следствие. То есть тем, что течет само — в силу законов физики. Что это за субстанция и какого она цвета, запаха? Думаю, всем хорошо известно. Добро пожаловать в «Иран»!

